

РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН (РФ)

ФИНСКИЙ ОПЫТ СОКРАЩЕНИЯ ЧИСЛА ЗАКЛЮЧЕННЫХ И ЕГО ПРИМЕНИМОСТЬ В ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ СТРАНАХ*

И.Г. Ясавеев,

*доцент кафедры социологии Казанского федерального
университета, доктор социологических наук*

Несмотря на уменьшение числа заключенных в течение последних лет постсоветские тюркоязычные страны по-прежнему относятся к группе стран с репрессивной уголовной политикой. Казахстан находится на пятом месте в Европе и третьем месте в Азии по доле заключенных в составе населения (295 заключенных на сто тысяч жителей) [1]. Кыргызстан и Туркменистан входят в десятку стран, лидирующих в Азии по этому показателю. Азербайджан находится на восьмом месте в Европе. Во всех тюркоязычных странах доля заключенных в составе населения значительно больше, чем в странах Западной Европы (в последних в среднем около 100 заключенных на сто тысяч жителей). Очень тревожные тенденции наблюдаются в Турции, где в течение последнего десятилетия произошел двукратный рост доли заключенных в составе населения [2] (см. табл. 1). «Тюремной сверхдержавой» остается Россия, занимающая первое место в Европе и Азии по доле заключенных в составе населения [3].

* Статья представляет результаты проекта «Исследование финского опыта сокращения числа заключенных» (грант Фонда Конне 18-3382-33).

Таблица 1

**Число заключенных на 100 тысяч населения в
тюркоязычных странах, России и Таджикистане с 2006
по 2014 г. Источник: Международный центр тюремных
исследований**

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
<i>Турция</i>	91	121	142	161	164	168	-	179	190
<i>Узбекистан</i>	-	-	122	153	-	-	152	-	-
<i>Азербайджан</i>	229	-	-	240	-	-	-	210	-
<i>Кыргызстан</i>	292	285	156	133	183	-	181	-	-
<i>Туркменистан</i>	224	-	-	-	-	-	-	-	-
<i>Казахстан</i>	340	348	378	382	401	351	-	295	-
<i>Таджикистан</i>	157	-	102	-	121	-	-	-	-
<i>Россия</i>	611	625	629	608	609	568	516	484	470

Оценить все последствия ситуации, при которой столь значительная доля граждан тюркоязычных стран находится в заключении, невозможно. Современная криминологическая наука говорит о том, что никакого исправительного эффекта пенитенциарные учреждения за редким исключением не имеют. Напротив, именно первый опыт лишения свободы становится началом множества «криминальных карьер», люди в условиях заключения дезадаптируются, утрачивают связи со «значимыми другими», трудовые навыки, здоровье, а также стигматизируются, приобретая ярлыки «судимого», «зека», «уголовника», ограничивающие жизненные шансы после освобождения.

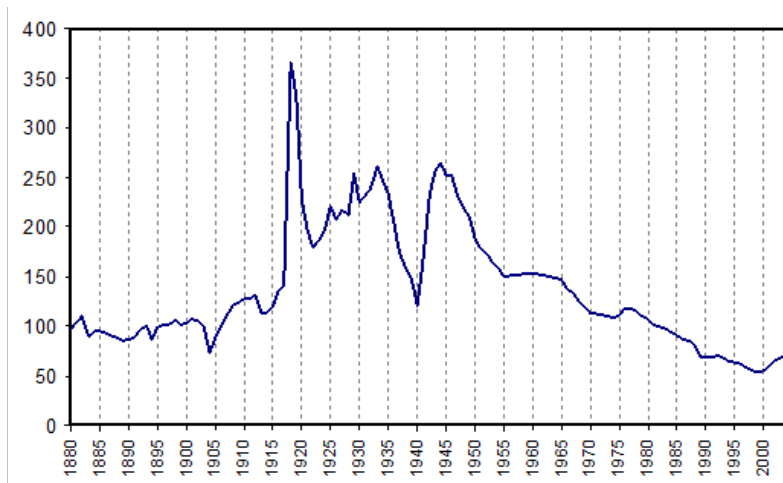
Кроме гуманистического измерения ситуации – страданий сотен тысяч людей (заключенных и членов их семей) – существует экономическое измерение: расходы на содержание, охрану, лечение и перемещение заключенных, а также на персонал систем исполнения наказаний.

На мой взгляд, к ряду стран, включая Россию и Казахстан, полностью применимы слова Патрика Торнудда: «Существуют весомые основания полагать, что в тех странах, где в тюрьмы отправляется непомерно большое число людей и где сроки

лишения свободы аномально велики, людям причиняются ненужные страдания, а ресурсы расходуются неэффективно» [4].

В этой ситуации очень полезным мог бы оказаться опыт Финляндии, радикально изменившей свою уголовную политику и соответственно численность заключенных. Еще в середине двадцатого века Финляндию называли «страной тюрем», поскольку число заключенных на сто тысяч жителей составляло более 200, многократно превышая значения этого показателя в других скандинавских странах. В 1960-1970-е гг. Финляндия лидировала по этому показателю в Западной Европе. Однако к концу XX в. Финляндия оказалась на одном из последних мест в Европе по числу заключенных (диаг. 1). В настоящее время только в таких очень небольших европейских странах, как Андорра, Исландия и Лихтенштейн, заключенных меньше, чем в Финляндии. К 1 января 2013 г. доля заключенных в составе населения в Финляндии составляла 58 человек на сто тысяч жителей [5].

Диаграмма 1

Число заключенных на 100 тысяч населения в Финляндии с 1880 по 2005 г. (среднегодовой показатель). Источник: Lappi-Seppälä, T. Imprisonment and Penal Policy in Finland // Scandinavian Studies in Law. 2009. Vol. 54. P. 348.

Столь значительное – более чем трехкратное – сокращение численности заключенных в Финляндии было результатом целого ряда последовательных реформ (более двадцати пяти реформ с середины 1960-х гг.). По мнению П. Торнудда, основанием этих изменений было осознание, что «высокая по сравнению с другими странами доля заключенных в составе населения Финляндии является позором; можно значительно уменьшить число приговоров к лишению свободы и сократить его сроки без ухудшения положения дел с преступностью» [6]. Иными словами, большое число заключенных стало определяться в качестве серьезной социальной проблемы.

Значительную роль в конструировании проблемы неадекватно высокой численности заключенных сыграло криминологическое сообщество Финляндии. Криминологи были первыми, кто заметил и стал проблематизировать неадекватность уголовной политики, характерной для Финляндии середины прошлого века. Следует отметить, что один из факторов изменений заключался в том, что другие скандинавские страны, отличавшиеся гораздо более мягкой уголовной политикой, выступали в этот период своего рода «референтными обществами». Финляндия стремилась стать членом «скандинавской семьи», и демонстрируемые криминологами различия в числе заключенных между Финляндией, с одной стороны, и Швецией, Норвегией и Данией, с другой, обращали внимание финских законодателей и правительства. Как указывает Тапио Лаппи-Сеппала, возглавляющий Национальный исследовательский институт правовой политики, «во многих случаях либеральные реформы удавалось отстоять с помощью ссылок на позитивный опыт других скандинавских стран и необходимость внутрискандинавской гармонизации» [7].

Начиная с 1960-х гг., финны существенно смягчили свое уголовное законодательство, декриминализовали ряд деяний, изменили структуру уголовных санкций, значительно увеличив долю штрафов и условного лишения свободы, сократили продолжительность тюремных сроков, ввели и распространили такую новую для Финляндии альтернативу тюремному заключению, как общественные работы. Определенную роль

сыграли амнистии, существенное смягчение наказаний за кражу, вожделение автомобиля в пьяном виде и другие виды преступлений, а также наказаний несовершеннолетних правонарушителей.

Приговором к штрафу в настоящее время заканчивается 60% случаев рассмотрения правонарушений в финских судах. При этом в основе используемой системы штрафодней находится идея дифференциации суммы штрафа в зависимости от уровня дохода правонарушителя [8].

Число приговоров к условному лишению свободы в Финляндии с 1950 по 1990 г. возросло с 3 до 18 тысяч, тогда как общее число судебных решений о тюремном заключении (включая как условное, так и реальное) осталось почти неизменным. В относительном выражении доля условного заключения увеличилась в этот период с 30 до 70% всех приговоров к лишению свободы [9].

В настоящее время лишь в 12% случаев финские суды выносят решение о реальном лишении свободы. С 1989 года 99% заключенных освобождаются условно-досрочно после половины или двух третей срока (несовершеннолетние заключенные – после трети или половины), при этом минимальный срок тюремного заключения, который необходимо отбыть для того, чтобы быть освобожденным условно-досрочно, составляет 14 дней.

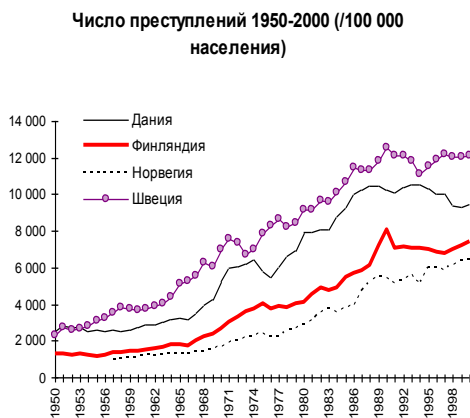
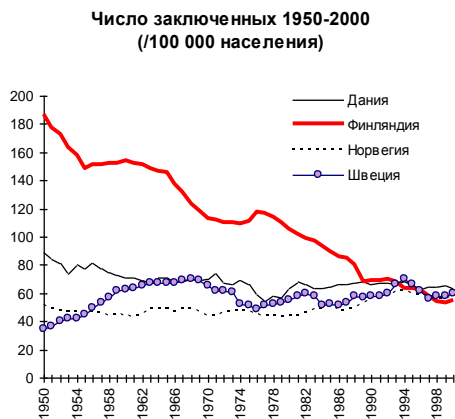
О продолжительности тюремных сроков в Финляндии в настоящее время можно судить по следующим данным: из 3728 человек, освободившихся из финских тюрем в 2012 г., 15% провели в тюрьме до 1 месяца, 20% – от месяца до двух, 9% – от двух месяцев до трех, 14% – от трех месяцев до шести, 17% – от шести месяцев до года, 15% – от года до двух лет, 7% – от двух лет до трех, 2% – свыше четырех лет [10].

Следует подчеркнуть, что смягчение уголовного законодательства и практик вынесения наказаний в Финляндии во второй половине двадцатого века не оказало никакого влияния на уровень преступности (диаг. 2).

Скандинавские страны очень схожи между собой в экономическом, социальном и культурном отношениях, поэтому представляют собой уникальную возможность для сравнений. Как отмечает Тапио Лаппи-Сеппала, совершенно различные

тенденции изменений числа заключенных в этих странах во второй половине XX в. нисколько не нарушили симметрию в динамике уровня преступности, что доказывает отсутствие связи между этими переменными.

Диаграмма 2

Относительное число заключенных и уровни преступности с 1950 по 2000 г. Источник: Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С.34.

Условия содержания в финских тюрьмах в целом хорошо известны в связи с открытостью системы уголовных санкций Финляндии для исследователей и журналистов. Здесь можно указать лишь, что у исследователей обычно не возникает никаких трудностей с получением разрешения на посещение финских тюрем. Сопровождающие сотрудники во время визитов не ограничивают знакомство с тюрьмой лишь ее отдельными частями. В трех тюрьмах из четырех (одной закрытой и двух открытых), которые я посетил, мне разрешили пользоваться цифровой камерой при условии, что в кадре не будет заключенных [11]. Исключением стала лишь новая тюрьма Турку, известная своим строгим режимом. Обращает на себя внимание отсутствие непреодолимых барьеров между тюрьмами и местными сообществами. Так, сотрудники тюрьмы Кюльмякоски сообщили мне, что в тюремном спортивном зале, который является самым большим в округе, периодически проводят свои спортивные мероприятия местные жители.

Изначально очевидно, что механический перенос финского опыта сокращения числа заключенных на действительность тюркоязычных стран и России лишен смысла. Эти страны, с одной стороны, и Финляндия, с другой, различаются типом политической культуры, уровнем страха людей перед преступностью, уровнями институционального и межличностного доверия, социальной политикой, ситуацией с распределением доходов (социальным неравенством), частотой и характером сообщений СМИ о преступности, тогда как исследования криминологов показывают, что именно эти факторы определяют уголовную политику [12].

Вместе с тем опыт Финляндии высвечивает ряд моментов, которые, на мой взгляд, следует учитывать при обсуждении и планировании реформ уголовного законодательства в тюркоязычных странах и России.

Прежде всего, изменения в Финляндии подтверждают возможность радикального сокращения числа заключенных. Они являются убедительным свидетельством того, что степень суровости уголовной политики и уровень преступности не связаны между собой. Существенная либерализация уголовного законодательства никоим образом не сказалась на уровне

преступности в Финляндии. Применительно к тюркоязычным странам и России это означает, что последовательное смягчение уголовного законодательства не приведет к росту преступности.

Опыт Финляндии указывает на необходимость рассмотрения и реформирования уголовной политики в контексте социальной политики в целом. Криминологи, анализирующие факторы успешности реформ в Финляндии, подчеркивают, что в основе изменений находилось переосмысление целей и средств уголовной политики, которые стали пониматься в соответствии с общей направлением политики социальной. Финские криминологи в своих работах часто цитируют лозунг «Лучшей уголовной политикой является хорошая социальная политика» [13], подчеркивая, что для общества будет лучше, если вкладывать больше денег в школы, социальную работу и поддержку семей, чем в тюрьмы.

Изучение финских реформ высвечивает также значение медиа-культуры, ее влияние на уровень страха людей перед преступностью и отношение к правонарушителям. В Финляндии, которая является страной с одной из самых высоких в мире долей читающей газеты публикой, преобладает качественная, а не таблоидная пресса. Преступность никогда не была ведущей темой в финских СМИ (в отличие, например, от британских и, тем более, американских). Тон достаточно редких сообщений о преступности, как правило, является весьма сдержанным. При этом в сообщениях об отдельных преступлениях обычно приводятся данные о ситуации с преступностью в целом и предпринимаются попытки представить социальный контекст происшедшего. Все это, по мнению криминологов, влияет на установки людей по отношению к преступности и правонарушителям [14].

Наконец, значение финского опыта заключается в том, что сама контрастность уголовной политики в тюркоязычных странах, России и Финляндии, различия в численности заключенных, отношении к ним и к правонарушителям способствуют формулированию очень важных вопросов об основаниях репрессивности. На мой взгляд, крайне важно проблематизировать значительное число заключенных в наших странах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данные Международного центра тюремных исследований. URL: <http://prisonstudies.org/country/kazakhstan> (дата обращения: 10.03.2014).
2. <http://prisonstudies.org/country/turkey> (дата обращения: 10.03.2014).
3. <http://prisonstudies.org/highest-to-lowest> (дата обращения: 10.03.2014).
4. Törnudd, Patrik. Fifteen Years of Decreasing Prisoner Rates in Finland. Helsinki: National Research Institute of Legal Policy, 1993. P.29.
5. Данные Международного центра тюремных исследований. URL: <http://prisonstudies.org/country/finland> (дата обращения: 10.03.2014).
6. Торнудд, П. Пятнадцать лет сокращения численности заключенных в Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 82. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
7. Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 38. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
8. «В соответствии с этой системой число штрафодней определяется исходя из тяжести совершенного деяния, тогда как размер каждого отдельного штрафодня определяется исходя из дохода правонарушителя. Так, если за совершение магазинной кражи будет привлечен к ответственности безработный, то судья может назначить ему наказание в виде 20 штрафодней по 5 евро каждый, то есть в общей сложности 100 евро, а если в магазинной краже уличат человека с ежемесячным доходом в несколько тысяч евро, то число штрафодней будет тем же – 20, но размер каждого штрафодня будет уже 50 евро (всего 1000 евро)». Там же. С.24.
9. Там же. С. 24-25.
10. Statistics of the Criminal Sanctions Agency 2012. P.37. URL: http://www.rikosseuraamus.fi/material/attachments/rise/julkaisut-tilastollinen_vuosikirja/6KDKQTEkB/Statistical_Yearbook_2012_of_the_Criminal_Sanctions_Agency.pdf (дата обращения: 10.03.2014).
11. Снимки, сделанные в закрытой тюрьме Кюльмякоски и открытых тюрьмах Кяюра и Сатакунта (отделениях в Гуйттинене и Кёюлиё),

доступны в виде веб-альбомов: <http://goo.gl/p1N6Q> <http://goo.gl/Mokxi> <http://goo.gl/IJcki> <http://goo.gl/H32Cq>

12. Лаппи-Сеппала, Т. Доверие, благосостояние и политическая экономия: национальные различия в использовании тюремного заключения // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С.142–197. URL: http://www.penalreform.org/wp-content/uploads/2013/05/From-a-land-of-incarcerations_Helsinki-2012_0.pdf (дата обращения: 10.03.2014).

13. «Меры против социальной маргинализации и неравенства являются также мерами против преступности... Контроль над преступностью и уголовная политика – это вопросы обеспечения социальной справедливости, а не просто вопросы контроля над опасными индивидами». Лаппи-Сеппала, Т. Контроль за численностью заключенных: опыт Финляндии // От «страны тюрем» к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 41.

14. Там же. С. 37-38.

FINNISH EXPERIENCE OF REDUCING THE PRISON POPULATION AND ITS SIGNIFICANCE FOR TURKIC-SPEAKING COUNTRIES

Iskender Yasaveyev,

Senior Lecturer at the Department of Sociology

The article explores Finnish experience of reducing the prison population and its importance for Turkic-speaking countries. About fifty years ago Finland was famous as a 'land of incarcerations' due to the fact that its prisoner rate was one of the highest in Europe. The prison population rate in Finland was three-four times higher than in other Nordic countries. But by the end of twentieth century Finland realized a number of penal reforms and reduced the prison population rate having reached the level that is typical for Scandinavian countries. The statistical analysis made by Finnish criminologists demonstrates that this reducing didn't have any effect on crime rate. Finnish experience can't be applied directly in Turkic-speaking countries and Russia due to significant social, political and penal differences. However it shows that it is possible to refuse from repressive penal policy without any subsequent growth of crime rate.